

Баишева Зилия Вагизовна

ПСИХОЛОГО-РИТОРИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

В статье анализируется судебная речь современного российского адвоката Г. П. Падвы в защиту В. Каулина. Характеризуются отличительные черты ораторского стиля адвоката, выявляются и описываются эффективные психолого-риторические приемы убеждения и воздействия на слушателей, применяемые Г. П. Падвой: побуждающий довод, аргумент к лицу с целью вызвать сочувствие, сострадание, ссылки на авторитет (на судебный прецедент, на слушателей, на пословицы и поговорки). Особое внимание уделяется применению тропов (в частности, эпитетов, метафор) и фигур речи (различных видов повторов, вопросов) как составной части логической аргументации. Показаны разные способы соединения и эффективного взаимодействия психолого-риторической и логической аргументации в доказательственной защитительной речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. **Субракова О. В.** Этимология некоторых архаичных слов хакасского языка (на материале героического эпоса) // Лексикология и словообразование хакасского языка / ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. С. 24-29.
15. **Хакасский героический эпос «Алтын Арыг»** / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. 592 с.
16. **Шиббаева Ю. А.** Одежда хакасов. Изд-е 2-е. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2008. 138 с.

КНАКАСС HEADWEAR NAMES IN ETHNO-LINGUISTIC ASPECT

Abdina Raisa Petrovna, Ph. D. in Philology
*Institute for Humanities Researches and Sayano-Altai Turkic Studies
of Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan
rabdina@mail.ru*

Kaskarakova Zinaida Efremovna, Ph. D. in Philology
*Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan
zinaidakaskarakova@mail.ru*

Using the materials from the ancient Turkic language, Altaic languages and Russian language the article provides systematization, description and analysis of headwear vocabulary in the Khakass dialects. At the end of the XIX – the beginning of the XX century Khakass people used nearly 10 types of headwear. Headwear names depended on fur quality, material, cut, season, purpose and owner's social status. To nominate headwear types in the Khakass language there is a group of compound terms, basically of Turkic origin, with the component "nõpik".

Key words and phrases: Khakass language; national headwear; traditional culture; ethnic groups; ways of nomination.

УДК 808.5

В статье анализируется судебная речь современного российского адвоката Г. П. Падвы в защиту В. Каулина. Характеризуются отличительные черты ораторского стиля адвоката, выявляются и описываются эффективные психолого-риторические приемы убеждения и воздействия на слушателей, применяемые Г. П. Падвой: побуждающий довод, аргумент к лицу с целью вызвать сочувствие, сострадание, ссылки на авторитет (на судебный прецедент, на слушателей, на пословицы и поговорки). Особое внимание уделяется применению тропов (в частности, эпитетов, метафор) и фигур речи (различных видов повторов, вопросов) как составной части логической аргументации. Показаны разные способы соединения и эффективно взаимодействия психолого-риторической и логической аргументации в доказательственной защитительной речи.

Ключевые слова и фразы: защитительная речь; психолого-риторические аргументы; логическая аргументация; ссылка на судебный прецедент; приемы диалогизации; судебный монолог; приемы адресации.

Баишева Зилья Вагизовна, д. филол. н., доцент
*Башкирский государственный университет, г. Уфа
zbaisheva@yandex.ru*

ПСИХОЛОГО-РИТОРИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

Убеждение слушателей означает принятие ими позиции оратора, готовность осуществлять определенные действия в соответствии с этим убеждением. Нельзя достичь этого, используя лишь рациональные аргументы, необходимо также обращение к чувствам адресата. «Воздействие на чувство является естественной принадлежностью красноречия в уголовном процессе, – писал К. Л. Луцкий. – Где сердце не затронуто и чувства молчат, там нет всего человека, и потому тот, кто речью подчинил только ум, но не взволновал души, не всегда одержал полную победу; ему остается победить другую половину слушателя, часто более сильную, всегда более активную – его душу» [5, с. 180-181].

Психолого-риторическая аргументация призвана непосредственно оказывать воздействие и на разум, и на душу человека. Основная функция психолого-риторических аргументов в судебной речи – дополнение и усиление логической аргументации. Важная роль принадлежит риторической аргументации в защитительной речи, особенно когда контраргументов оказывается недостаточно для убеждения слушателей. По нашему же мнению, наиболее эффективной является речь, в которой органично соединяется рациональная и эмоциональная аргументация.

В подтверждение рассмотрим речь Г. П. Падвы в защиту В. Каулина [4], которая была произнесена в народном суде несколько десятилетий тому назад. Бытует мнение, что в советский период выступления судебных ораторов были «клишированными, стандартизованными» [2, с. 15], лишенными выразительности. Названная речь полностью опровергает это мнение, а заодно разрушает и другой стереотип – о том, что в советском суде оправдательных приговоров не случалось или почти не случалось: в результате блестящей защиты Г. П. Падвы его подопечный В. Каулин был оправдан.

Мы считаем, что риторические аргументы при правильном их применении имеют такую же силу воздействия, что и логические. Все зависит от мастерства оратора, его знаний, способностей. И в XIX, и в XX веке были ораторы, которые произносили «клишированные, стандартизированные», невыразительные речи, к сожалению, много таких обвинителей и защитников и сегодня. И всегда были и есть мастера слова, такие как Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасович, И. Д. Брауде, Г. М. Резник и другие, у которых следует учиться ораторскому искусству. Таким мастером слова, несомненно, является и Г. П. Падва.

На наш взгляд, анализируемая нами речь может быть признана образцовой: в ней тщательно продуманы и выверены каждое слово, каждый знак препинания, каждая мысль, отточена каждая фраза, каждая композиционная часть. В ней нет ни одного лишнего слова.

Г. П. Падва вспоминает в одном из интервью, как он работал над выступлением в суде в первые десятилетия своей адвокатской деятельности: «Первые лет двадцать в моей адвокатской практике я... писал свои речи от и до. Все в них обдумывал, тщательно выверял. Вплоть до знаков препинания: долго взвешивал, что поставить в конце – точку, многоточие, восклицательный или вопросительный знак» [1]. Думается, что речь в защиту В. Каулина – результат именно такой работы.

Построено выступление строго в соответствии со всеми требованиями к защитительной речи. Внезапное начало позволяет оратору выразить охватившие его чувства, задать определенный эмоциональный тон, который выдерживается на протяжении всего выступления. Так, обращает на себя внимание обилие восклицательных предложений в тексте речи – их восемь (необычно много для судебного выступления). Шестнадцать вопросительных предложений, половина из которых – риторические вопросы, также способствуют усилению эмоционального накала речи.

Очень эмоционально, используя разнообразные средства выразительности (различные вопросы, виды повторов, эпитеты, метафоры и др.), оратор формулирует те вопросы, на которые следует найти ответ в ходе судебного разбирательства и на которые не ответило обвинение. И указывает главное, что не установило обвинение, – имеется ли причинная связь между самоубийством Алимовой и поведением Каулина.

Эмоциональный настрой создается обилием средств выразительности. Наиболее частотны во вступлении, да и во всей речи, повторы (обычно это анафора). Риторические вопросы в сочетании с анафорой (*Что же увидели вы, товарищи судьи? Что узнали вы за эти дни? Что сможете именем Республики провозгласить людям* [4]...) с первых же минут выступления активизируют мыслительную деятельность слушателей, а также помогают в эмоциональном плане убедить адресатов в необоснованности обвинения.

Привлекает внимание большое количество эпитетов, которые помогают оратору охарактеризовать явления, лица, выразить к ним свое отношение. Особенно интересны во вступлении ряды эпитетов, призванных обрисовать жертву и соучастника (*Вы должны были бы здесь увидеть сильного, сурового, нет, не сурового, а жестокого, своевольного человека и мысленно представить себе его слабую, глубоко несчастную, мятущуюся жертву* [Там же]). Яркие художественные определения в сочетании с градацией (*сурового, нет, не сурового, а жестокого*), данные в противопоставлении, должны, по замыслу оратора, заложить в слушателях уже в начале речи мысль о невозможности между молодыми людьми отношений жертвы и соучастника.

«Где истина, в чем она?» – вопрошает оратор, переходя к основной части выступления. В главной композиционной части адвокат оспаривает обвинение в целом, доказывает невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления. В соответствии с поставленной целью он анализирует фактические обстоятельства дела, последовательно опровергает тезисы обвинения: рассматривает признаки состава преступления, «называемого доведением до самоубийства», и доказывает их отсутствие. Сначала защитник оспаривает положение обвинения о характере отношений между молодыми людьми (она – жертва, он – соучастник). Используя в качестве контраргументов факты, оратор убедительно доказывает невозможность таких отношений между Алимовой и Каулиным. Здесь используется полемический прием «да, но...», который позволяет выявить плюсы и минусы обсуждаемого вопроса, показать односторонность позиции оппонента. Закрывающие этот прием риторические вопросы-утверждения усиливают его действенность.

Вновь отмечаем обилие тропов и риторических фигур: анафора (*Разве эта связь... Разве все сказанное...*), расширенный повтор (*ничто* в отношениях этих молодых людей, *ничто* в поведении Каулина), эпитеты (*горькие ошибки*), метафоры (*жуиром, запутавшим в своих тенетах наивную девушку*), закрытая и открытая фигуры умолчания (в местах лишения свободы...; *впрочем, не будем порочить память умершей*) и др.

Затем защитник обосновывает отсутствие унижения достоинства, принуждения со стороны Каулина. В доказательство приводится целый ряд аргументов: факты, письменные доказательства, многочисленные показания свидетелей. Здесь же приводится ссылка на прецедент. Это, как известно, риторический аргумент, однако в данном контексте он обретает силу логического доказательства.

К названным выше средствам выразительности здесь добавляется антитеза, которая помогает оратору лаконично и емко обрисовать типичные для подобных отношений в 18-20 лет легкомыслие и неосмотрительность, трудности и ошибки: «Они познали и радость первых поцелуев, и горечь размолвок, и счастье интимной близости, и трудность расставаний, они познали и сладость надежд, и боль разочарований» [Там же].

Несомненна аргументативная направленность повторов в этой части доказательства. Так, неоднократное повторение местоимения *она* на протяжении довольно большого фрагмента речи делается специально, чтобы обратить внимание судей на ряд фактов, свидетельствующих об отношении Алимовой к Каулину: «Она готова ждать и надеяться, она не желает прекращать свои взаимоотношения с Каулиным. <...> ...она пишет новое заявление директору техникума... она хочет быть снова с ним... она говорит, что ей хорошо с ним,

весело, что *она* его любит». Не случайно этот фрагмент заканчивается эмоциональным обращением защитника к судьям: «*Вы слышите, товарищи судьы, сама Алимova говорила, что ей хорошо с Вадимом, весело, а вас пытаются убедить в обратном!*» [Там же].

Повторение усилительной частицы *ни* многократно умножает информацию об отсутствии унижения достоинства, принуждения со стороны Каулина: «*Ни одной жалобы от Гали на Вадима не слышал никто: ни подруга, ни мать, ни брат, ни знакомый. Ни одного факта оскорблений, избиения, издевательства, ни одного случая умышленного унижения достоинства, принуждения*» [Там же].

Далее проводится юридический анализ нормы, «предусматривающей уголовную ответственность за доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости, жестоким обращением или иным путем до самоубийства» (ст. 107) [3]. Дается подробное толкование закона. Оратор раскрывает не только юридический, но и исторический, классовый и социальный смысл данной нормы. Все это также работает на доказательство отсутствия признаков состава преступления, названных в этой норме. В подтверждение правильности своей позиции защитник вновь ссылается на прецеденты. И вновь эти ссылки воспринимаются как логические аргументы.

Доказав, что в отношениях между молодыми людьми не было ничего, что могло бы привести к самоубийству, оратор на этом не останавливается, он идет дальше, он ищет ответ на вопрос: что же послужило причиной самоубийства? Ответ находится в характере самой Алимовой. В обоснование своей позиции защитник приводит письменные доказательства, показания свидетелей, факты, исследует особенности социальной психологии, и снова факты.

Здесь нельзя не обратить внимание на употребление эпитетов, которым принадлежит особое место в обосновании причин и мотивов совершения самоубийства Алимовой. Мотивы, по мнению защитника, обнаруживаются в характере самой Алимовой. Множество эпитетов, характеризующих особенности ее темперамента, психики, постепенно создают определенное впечатление о ней как о человеке психически неуравновешенном и вполне способном на «близкое к безумию решение уйти из жизни»: *порывистая, безудержная* натура; *яростный* темперамент, *эмоциональный* накал; девушка *чрезвычайно неуравновешенная, вспыльчивая, грубоватая, нервная, легко возбудимая; неуравновешенная* девушка; ее *повышенная* возбудимость; ее *воспаленное* воображение; *трясущиеся от возбуждения* руки; *необузданное и так легко ранимое* сердце этой девушки.

Заканчивается доказательственная часть защитительной речи, на наш взгляд, очень эффектно: приводится аргумент (последняя записка Алимовой), безусловно подтверждающий невиновность Каулина в самоубийстве Алимовой.

Заключительная часть речи небольшая по объему. Оратор кратко повторяет основные тезисы защиты и делает вывод о невиновности Каулина. Здесь представлен ряд психологических аргументов: аргумент к лицу с целью вызвать сочувствие к подзащитному, аргумент к лицу с целью вызвать сострадание к матери подзащитного, побуждающий аргумент к судьям.

Нельзя не отметить еще одну особенность ораторского стиля Г. П. Падвы – мастерское применение приемов диалогизации судебного монолога. Оратор создает ощущение непосредственного и постоянного общения с судьями и всеми присутствующими, он направляет внимание слушателей, заставляет их думать, размышлять, искать истину вместе с ним. Защитник активно использует прием адресации (конструкции с местоимениями и глагольными формами 2-го лица мн. ч., конструкции с обращением, императив и побудительные конструкции). При обращении к главному своему адресату – судьям оратор обычно употребляет местоимение *вы* в разных падежных формах (*вам, ваши, вами, вас*). Нередки в речи глагольные формы 2-го лица в повелительном наклонении (*вдумайтесь, прочтите*), побудительные конструкции (*давайте посмотрим*). Довольно часто оратор напрямую обращается к судьям с целью выделить какой-то очень важный момент в речи. Иногда обращение усиливается употреблением рядом с обращением-названием лиц местоимения *вы* (*Вы слышите, товарищи судьы*).

Все эти средства диалогизации монолога работают на установление контакта с аудиторией, активизацию ее мыслительной деятельности и, соответственно, на усиление убедительности речи.

Таким образом, в защитительной речи Г. П. Падвы гармонично сочетаются логические доказательства и риторическая аргументация. Оратор формирует убеждение, воздействуя как на разум, так и на чувства слушателей. Рациональные и эмоциональные аргументы так крепко сплетены, что их невозможно отделить друг от друга. Психолого-риторическая аргументация воспринимается как неотъемлемая часть логической операции доказательства. Оратор мастерски использует все многообразие психолого-риторических аргументов: психологические доводы, аргументы к лицу с целью вызвать сочувствие, сострадание; ссылки на прецедент, на самих слушателей, на пословицы и поговорки. Особая роль в решении всех задач, связанных с убеждением слушателей, в анализируемой речи принадлежит средствам выразительности (тропам и фигурам речи). Умело применяемые оратором, они нередко становятся аргументирующим приемом, обладающим большой убеждающей силой. В целом в основе создания подобной эффективной судебной речи, на наш взгляд, лежит профессионализм оратора, преданность своему делу, знание родного языка.

Список источников

1. **Выжutowич В.** Защищайте, сударь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/18/padva.html> (дата обращения: 02.04.2017).
2. **Ивакина Н. Н.** Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. М.: Юристъ, 2002. 384 с.

3. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 27.10.1960 (с изменениями и дополнениями от 30.07.1996 № 103-ФЗ) (утратил силу). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/163927> (дата обращения: 03.04.2017).
5. Судебное красноречие русских юристов прошлого / сост. Ю. А. Костанов. М.: Фемида, 1992. 286 с.

PSYCHOLOGICAL-RHETORICAL ARGUMENTS IN THE PROTECTIVE SPEECH

Baisheva Zilya Vagizovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Bashkir State University, Ufa
zbaisheva@yandex.ru

The article analyzes the court speech of the modern Russian lawyer G. P. Padva in defense of V. Kaulin. The distinctive features of the lawyer's oratorical style are characterized, the effective psychological-rhetorical techniques of persuasion and influence used by G. P. Padva are identified and described: an impellent argument, an argument to the person with the aim of causing sympathy, compassion, references to authority (to judicial precedent, to listeners, proverbs and sayings). Particular attention is paid to the use of tropes (in particular, epithets, metaphors) and speech figures (various types of repetitions, questions) as an integral part of logical reasoning. Different ways of combination and effective interaction of psychological-rhetorical and logical arguments in evidential protective speech are shown.

Key words and phrases: protective speech; psychological-rhetorical arguments; logical reasoning; reference to judicial precedent; techniques of dialogization; judicial monologue; addressing techniques.

УДК 8; 81:22

В данной статье рассмотрены и систематизированы средства невербальной семиотики, которые представляют собой составляющий элемент палитры фоновых факторов, определяющих особенности речевой ситуации в формате интернет-коммуникации. Практическим материалом для исследования послужил форумный контент цифрового периодического издания "ELPAISdigital", который представляет специфический тип электронного социального взаимодействия, репрезентируя новый кластер свойств и качеств актуальной коммуникативной ситуации в процессе мультимедийного информационного обмена.

Ключевые слова и фразы: интернет-коммуникация; речевая ситуация; электронный форум; паралингвистика; экстралингвистика; информационный обмен; ноосфера.

Бочарова Анна Владимировна

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
global.world@list.ru

ФОНОВЫЕ ФАКТОРЫ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ)

Последние тенденции развития интернет-коммуникации

Сегодня виртуальная реальность существует не только как отражение мира действительного в динамике его непримиримых противоречий, но и как активный его элемент, «способный к саморазвитию и непосредственно сопряженный с новыми особенностями информационной самореализации личности и ее взаимодействия с окружающим миром» [6, с. 244].

В. И. Вернадский в своей теории о ноосфере только предполагал возникновение обособленного пространства искусственных экосистем, объединяющих знание и опыт многих поколений [2]. Тем временем уже настала новая эпоха, когда такого рода системы не просто дополняют информационное поле планеты, а переходят из плана *технологического* в план *социального*, демонстрируя на практике, что новые средства информации – механические уловки для создания не только миров иллюзий, но и новых языков с новыми и уникальными силами выражения [16, р. 24].

Актуальный вектор социальной парадигмы развивается в контексте аксиологической гегемонии наукоёмких технологий – появляются новые средства передачи информации, новые связи и новые коммуникативные узлы; Интернет становится необходимым звеном в цепочке повседневных событий. Новые гаджеты, вступая в сложный и многоуровневый диалог с образами, мыслями и желаниями, становятся трансляторами, отражая новый кластер психофизиологических свойств и качеств современного социума, инкорпорированного в процесс мультимедийного информационного обмена [6, с. 243]. Сегодня мы становимся свидетелями активной симбиотизации мира реального и мира виртуального, что особенно ярко проявляется в контексте механистических схем коммуникативного взаимодействия.

Исследуя актуальные тенденции развития интернет-коммуникации, мы становимся свидетелями массовой интеграции средств массовой информации в коммуникативное пространство Интернета. *Дигитализация* выводит